

УДК 327:339.924

К. Д. Асумани (vetal.doroshko@gmail.com),
магистрант

В. Н. Дорошко (vetal.doroshko@gmail.com),
канд. экон. наук, доцент
Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ VUCA- И BANI-МИРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРИНЦИПОВ ESG

Актуальность темы данного исследования заключается в растущей обеспокоенности мирового сообщества хрупкостью мироустройства и необходимости его конструктивной реформации. Целью статьи является изучению практики использования концепций VUCA- и BANI-миров в формировании принципов ESG. По результатам исследования было установлено, что в мировой практике используется три подхода: подход, основанный на независимости устойчивого развития и принципов ESG; подход, основанный на частичной интеграции принципов ESG в стратегию устойчивого развития; подход, основанный на полной интеграции принципов ESG в стратегию устойчивого развития.

The relevance of the topic of this research lies in the growing concern of the world community about the fragility of the world order and the need for its constructive reform. The purpose of the article is to study the practice of using the concepts of VUCA- and BANI-worlds in the formation of ESG principles. According to the results of the study it was found that three approaches are used in the world practice: the approach based on the independence of sustainable development and ESG principles; the approach based on the partial integration of ESG principles into the strategy of sustainable development; the approach based on the full integration of ESG principles into the strategy of sustainable development.

Ключевые слова: VUCA- и BANI-миры; принципы ESG; устойчивое развитие; хрупкость; неопределенность; стейкхолдеры.

Key words: VUCA- and BANI-worlds; ESG principles; sustainable development; fragility; uncertainty; stakeholders.

История парадигмы VUCA-мира начинается с 1985 г., когда американские экономисты У. Беннис и Б. Нанус представили описание будущего состояния мировой экономики накануне окончания «холодной войны». По их мнению, кризис в Союзе Советских Социалистических

Республик и грядущий его распад бесповоротно изменит ландшафт мирового порядка, приведя к возникновению множества новых полюсов политических сил и экономических интересов. Парадигма расшифровывалась следующим образом: V (Volatility) – мировая экономика становится все более изменчивой и непостоянной ввиду ускорения научно-технического прогресса, глобальной смены парадигмы с «военного противостояния» на «общество потребления»; U (Uncertainty) – изменчивость порождает неопределенность и сложность планирования действий на всех уровнях социально-экономической системы, заставляя действовать интуитивно или вслепую; C (Complexity) – в изменчивом и хаотическом мире возрастает сложность принятия решений и оценки их последствий для бизнеса, отрасли и экономики в целом; A (Ambiguity) – отсутствие четких ориентиров и частая смена трендов развития рынков приводит к «дилемме заключенного»: не только любой выбор направления развития, но и его отсутствие может привести к краху [1–2].

Если сначала использование парадигмы VUCA-мира было распространено в политической и военной среде, то уже к концу 2000-х гг. она получила распространение в предпринимательской среде, на ее методологической основе появился новый финансовый институт – венчурный фонд, который был ориентирован на управление жизненным циклом проектов с высокой степенью неопределенности конечного результата. Впоследствии сформировался отдельный сегмент финансового рынка, на котором обращались капиталы таких фондов, парадигма VUCA интегрировалась в реальность предпринимательского сектора большинства стран мира, включая Россию и Беларусь.

Концепция BANI-мира сформировалась к 2016 г. под влиянием последствий глобализации мировой экономики и все более усиливающего взаимовлияния стран через крупнейшие транснациональные корпорации, которые выступают уже не только провайдером научно-технического прогресса, но заявляют свои собственные политические интересы и амбиции.

Однако реальное проявление BANI-факторов пришлось на 2019 г. с началом пандемии COVID-19, показавшей всю неустойчивость и хрупкость функционирующей более 40 лет парадигмы VUCA-мира. Автор концепции американский футуролог Института будущего Ж. Кашио и венчурный предприниматель Дж. Ито расшифровывают парадигму следующим образом: B (Brittle) – раскручивающаяся спираль научно-технического прогресса сформировала новый конструкт «подрывные инновации», который делает даже самые устойчивые системы хрупкими и неспособными к самосохранению и контролю над ситуацией (примерами является сеть «Интернет», являющаяся децентрализованной системой; концепция метавселенной М. Цукерберга, в которой можно устанавливать иные правила гражданского поведения и регуляции отношений между акторами); A (Anxious) – утрата индивидом ощущения стабильности и контроля ведет к перманентному стрессу и депрессии, выражающейся в нежелании принимать решения или проявлять свою позицию ввиду невозможности повлиять на происходящие события; N (Nonlinear) – по мере становления нового уклада (Индустрии 4.0) события все больше приобретают системный характер, влияя сразу на все и всех, что является следствием усиления взаимозависимости акторов на всех микро-, мезо- и макроуровнях; I (Incomprehensible) – информация, являющаяся фундаментом Индустрии 4.0, генерируется в столь больших объемах, что индивид перестает быть способным к ее качественной обработке и усвоению, что приводит к снижению понимания происходящих процессов и ухудшению управляемости бизнесом и невозможностью выстраивания долгосрочной стратегии развития [1; 3].

Кризис концепции «общества потребления» привел к вопросу о том, что интересы бизнеса и социума на самом деле могут быть гармонизированы путем нахождения точек сотрудничества. Идея о «дружбе интересов» бизнеса и общества впервые была озвучена основателем корпорации U.S. Steel Э. Карнеги: «...улучшая частные отношения с обществом для получения новых конкурентных преимуществ (действует в собственных коммерческих интересах), такой бизнес формирует общую благоприятную деловую среду, действуя в интересах устойчивого развития всего рынка и общества» [4].

Последователем революционной для того времени идеи «заботы бизнеса об обществе» выступил учредитель корпорации «Сирс» Э. Вуд, который развил идею в концепцию корпоративной социальной ответственности, заложив в нее второй важнейший постулат: без заботы об обществе у бизнеса нет будущего [5].

Формирование такого «ответственного мышления» у бизнеса сопряжено с реформами и перестроением управленческих парадигм топ-менеджмента корпораций: речь идет о пересмотре миссии и стратегических целей компаний не только как генераторов прибыли, а как социально ответственных агентов рынка, заботящихся о благополучии общества для обеспечения

собственного рыночного долголетия и устойчивого развития, а сложность признания необходимости принятия роли «ответственного агента» бизнесом явно прослеживается при изучении определения термина «ESG».

Так, по мнению Р. В. Акермана, ESG представляет собой форму корпоративной политики, при которой в качестве стратегических приоритетов ставятся проблемы, ценности и интересы социума, а функциональное назначение ESG-принципов заключается в гармонизации интересов социума и бизнеса и разработке схем практической реализации инструментов корпоративной социальной ответственности в области социального инвестирования, экологизации поведения компании [3, с. 93].

В соответствии с трактовкой ИСО 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности» (ISO 26000:2010 “Guidance on social responsibility”) ESG – ответственность коммерческой организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через этическое поведение. Функциональное назначение парадигмы ESG – решение конкретных задач, связанных с обеспечением устойчивого развития, экологически ответственного поведения, инвестиций в человеческий капитал и демографическое благополучие, сохранение культурно-ценностной идентичности социума [5].

По мнению Х. Бовена, парадигма ESG – организация корпоративного поведения бизнеса в ключе сбалансированности частных и общественных интересов и ценностей, а функциональное назначение ESG-принципов заключается в выстраивании эффективной бизнес-модели ответственного корпоративного поведения в интересах благополучия всего общества [4].

Парадигма ESG включает четыре уровня:

– Концептуальный уровень, который формируется на основе новых теорий капитализма (неокоммуитаризм и теория стейкхолдерского капитализма).

– Нормативный уровень сформирован международными документами («Цели устойчивого развития Организации Объединенных Наций», Парижское соглашение о климате и т. д.), а также наднациональными и национальными документами (например, Директива по корпоративной отчетности в области устойчивого развития Европейского союза, требования Комиссии по ценным бумагам Соединенных Штатов Америки).

– Уровень оценки и мониторинга состоит из двух ключевых компонентов: международные стандарты (наиболее известны CDP, CDSB, GRI, SASB, IIRC и TCFD) и рейтинги (например, Sustainalytics (ESG Risk Ratings); S&P Global ESG Evaluation; Moody’s ESG Solution).

– Проектный уровень включает ESG-инициативы конкретных стран, компаний и регионов. Цель данного уровня – формирование индивидуальной и (или) отраслевой стратегии устойчивого развития с учетом национальных интересов, целей и приоритетов [5].

Автором были выделены следующие основные подходы, описывающие взаимосвязь стратегии устойчивого развития и принципов ESG:

– *Подход, основанный на независимости устойчивого развития и принципов ESG.* Бизнес разрабатывает стратегию устойчивого развития, исходя из тех рыночных и социальных реалий, в которых он существует. Цели стратегии могут не быть тождественными принципам ESG, так как это может быть не актуально для бизнеса на данный момент, при этом менеджмент не отрицает возможности их использования в дальнейшем. Такой подход достаточно распространен среди российских предприятий (например, агропромышленный комплекс, строительство, машиностроение), чья продукция ориентирована на внутренний рынок или не подпадает под более жесткие экологические нормы и требования стран Запада. Менеджмент таких предприятий руководствуется прежде всего требованиями национального законодательства в области экологической, трудовой и социальной политики.

– *Подход, основанный на частичной интеграции принципов ESG в стратегию устойчивого развития.* Такой подход является переходным, является «мостиком» для менеджмента, который стремится к гармонизации внутренней корпоративной политики с лучшими мировыми практиками организации устойчивого развития бизнеса не только в технологическом, но и социальном аспектах. Важным преимуществом такого подхода является возможность выбора менеджментом тех инструментов и моделей применения принципов ESG, которые подходят к реалиям рынка и целям (задачам) развития именно сейчас с возможностью их дальнейшего пересмотра. В России такой подход достаточно популярен среди финансовых организаций (банки), которые имеют частичную интеграцию с мировыми финансовыми центрами и заинтересованы в перенимании лучшего опыта для обеспечения собственных конкурентных преимуществ. Среди промышленных предприятий такой подход заметно распространен среди новых бизнесов, вышедших из стартап-индустрии, так как зачастую они ориентированы в своей продукции

на зарубежные рынки или планируют привлекать иностранные инвестиции по линии «зеленой» экономики [4].

– *Подход, основанный на полной интеграции принципов ESG в стратегию устойчивого развития.* Такой подход характерен для предприятий, которые ориентированы на экспортные поставки в западные страны, к чьей продукции предъявляются строгие экологические требования. Кроме этого, применение принципов ESG необходимо для обеспечения конкурентных преимуществ, в частности защиты возможности присутствия на зарубежных рынках. Подход распространен среди предприятий нефтегазового, металлургического, нефтехимического секторов [5].

Список использованной литературы

1. **Тaleb, Н. Н.** Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Н. Н. Талеб. – М. : Колибри ; Азбука-Аттикус, 2019. – 768 с.
2. **Шипкова, О. Т.** Инструменты планирования и принятия решений в условиях глубокой неопределенности как основа проактивной позиции экономического субъекта / О. Т. Шипкова, Е. Н. Акимова, О. В. Шатаева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. : Экономика. 2022. – № 2. – С. 127–141.
3. **VUCA-реальность:** система инструментов управления организацией в современной нестабильной среде / О. Л. Рывкина [и др.] // Экономика стр-ва и природопользования. – 2022. – № 1–2. – С. 53–61.
4. **Вострикова, Е. О.** ESG-критерии в инвестировании: зарубежный и отечественный опыт / Е. О. Вострикова, А. П. Мешкова // Финансовый журн. – 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 117–129.
5. **Каримова, С. А.** Корпоративная социальная ответственность как источник социального капитала организации : моногр. / С. А. Каримова. – М. : Креативная экономика, 2020. – 208 с.